

⁴⁹ В течение лета и осени 2005 г. решалась судьба комбината «Криворожсталь», денационализованного было прежним правительством Украины, а затем вновь выставленного украинским государством на торги. Среди интересовавшихся этим делом был Б. Березовский, один из героев новой русской приватизации, плутократ, обосновавшийся в Лондоне. 24 октября 2005 г. состоялся новый аукцион, победителем которого стала западноевропейская стальная группа «Миттелстил».

⁵⁰ Цит. по: Российские предприниматели в начале XX века: По материалам Торгово-промышленного и финансового союза в Париже: Публикация документов / Сост. Ю. А. Петров, М. К. Шацилло. М., 2004. С. 270. Составители публикации поставили в конце последнего

пассажа знак вопроса, однако аспект влияния на политику держав в интересах будущей свободной России был важнейшим стимулом деятельности в эмиграции представителей всех русских небольшевистских правительств. Мы это знаем по активности финансового агента в Париже А. Г. Рафаловича (см.: *Лебедев С. К. Е. Hoskier & Cie* — банкир русского правительства во Франции. С. 242—255), по переписке дипломатов («Совершенно лично и доверительно!»). Близкие мотивы были и у деятелей царского режима, переписывавшихся в эмиграции о судьбе империи (см.: Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А. Яхонтова (Записки заседаний и переписка)).

В. А. Шишкин

К ИСТОРИИ ПЕРВОГО ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЗАПАДА (АНГЛО-СОВЕТСКИЙ КОНФЛИКТ 1927 г.)

В 1926-м и первой половине 1927 г. наблюдался относительно либеральный курс советского правительства особенно по отношению к крестьянству (продолжение нэпа в новых условиях: разрешение арендовать землю зажиточным крестьянам и кулакам, чтобы стимулировать рост производства зерновых и других сельскохозяйственных культур; легальный наем дополнительной рабочей силы состоятельными середняками, иначе говоря, снятие препон для батрачества малоимущих и малоземельных крестьян; ликвидация запрета на покупку сельскохозяйственных машин, опять-таки способствовавшая прежде всего укреплению зажиточных хозяйств; получение значительно больших возможностей участвовать в выборах в местные, сельские и поселковые советы и т. п.).

Однако этот неонэп продолжался сравнительно недолго, точнее до хлебозаготовительной кампании зимы 1927/28 г., когда были введены самые жесткие карательные меры вплоть до применения к середнякам и кулакам статей уголовного кодекса для изъятия у них «хлебных излишков», что объяснялось необходимостью накормить рабочих в городах и красноармейцев.

На деле же страна столкнулась с острым экономическим кризисом: предметы первой необходимости, поставляемые промышленностью, были крайне скудны, цены на хлеб, сдаваемый или отбираемый у сельского населения, были искусственно занижены. В результате крестьянин не мог получить за свой хлеб и другие продовольственные товары не только денежного эквивалента в товарной массе, но зачастую у него просто очищали закрома, не давая ничего взамен.

Все это способствовало ужесточению партийно-государственной политики, росту недовольства крестьянского населения и переходу к авторитаризму более крутыми методами, чем первоначально предполагали правители России.

Одним из поводов для такого жесткого и быстрого перехода к авторитаризму следует считать и резкое обострение отношений с капиталистическими странами, прежде всего с Великобританией (при нежелании идти на серьезные политико-экономические уступки), которую правящие круги России рассматривали как внешнего врага, способного даже начать войну против советской России. Хотя эти страхи, как показывает серьезное изучение всего комплекса документов этого времени, и были несостоятельны, необоснованны и преувеличены, действия консервативных кругов правительства Великобритании играли на руку сталинскому руководству, способствовали утверждению генсеком авторитарного режима в России. Они, кроме того, давали повод закручивать гайки внутри страны под предлогом близящейся военной опасности, грозившей в 1927 г. со стороны правящих кругов Англии и ряда других стран.

Рассмотрение внешнеполитического аспекта с привлечением материалов о внутреннем и внутрипартийном развитии страны, обостренного ее международным положением, позволяет дать более полную картину, которую также дополняют новыми фактами материалы и донесения ряда иностранных дипломатов — очевидцев событий.

Утверждение сталинского авторитарного режима произошло при невольном содействии британских консервативных кругов, которые, по наблюдениям чехословацкого посланника в Лондоне Яна Масарика, делали все возможное, чтобы обострить до предела англо-советские отношения, взвинтить их напряженность до крайней точки кипения и создать невозможность возврата к нормальному, спокойному и умеренному буржуазно-либеральному политическому курсу в отношении России.

Даже попытки премьер-министра Великобритании и министра иностранных дел (соответственно С. Болдуина и О. Чемберлена) как-то умерить пыл лидеров консерваторов в этом процессе не привели к существенным результатам. В итоге с 1924 г. (заключение договора о взаимном признании де-юре) стороны неуклонно двигались к разобщению и близящейся катастрофе. В этих условиях какие-либо попытки российской дипломатии, включая энергичную деятельность в 1926 г. прежде всего по нормализации экономических взаимоотношений двух стран, не могли поставить предел надвигаемому разрыву. Этому также помешали тяжелая болезнь и смерть Л. Б. Красина в ноябре 1926 г., вследствие чего ситуация обострилась до последней степени.

По мнению Я. Масарика, прибытие Л. Б. Красина в Лондон еще могло сыграть позитивную роль в улучшении англо-советских отношений и, возможно, предотвратить разрыв, ускоривший поворот Сталина к установлению авторитарного режима в России, давшего понять, что все предпринятые советским правительством меры по улучшению торгово-политических отношений оказались тщетными.

Отношения между Великобританией и Россией все больше ухудшались, начиная с провала переговоров лейбористского правительства Макдональда с советскими представителями (Раковским, Красиным) в 1924 г. После победы на очередных парламентских выборах консерваторы стремились к разрыву политико-дипломатических отношений. Все соглашения 1924 г. между Россией и этим кабинетом, открывавшие некоторый путь для решения проблемы уплаты долгов царского и Временного правительств бывшим британским собственникам в России, как и возмещение дореволюционных

английских инвестиций в этой стране, предусматривали еще длительную процедуру соглашений и переговоров с самими бывшими собственниками или держателями акций.

Следует также отметить, что торговые отношения между двумя странами после взаимного признания де-юре несколько улучшились, но политические отношения становились все более напряженными, хотя и не грозили опасностью немедленной войны, о чем многократно заявляли правящие круги и средства массовой информации СССР.

Военная же угроза в это время трактовалась как возможное вторжение или нападение ряда западных стран, возглавляемых Англией, на Советское государство, приступившее к строительству социализма. Кроме того, в СССР вызвала тревогу все усиливавшаяся антисоветская пропаганда, в том числе и касающаяся таких важных для послереволюционной России способов торговли, как кредиты, преимущественно долгосрочные, в особенности займы, необходимые для восстановления и модернизации экономики.

Хотя шумная кампания британских консервативных кругов относительно несостоятельности «Советов» в отношении оплаты любых кредитов неуклонно нарастала с 1924 по 1927 г., под ней не было сколько-нибудь реальной основы, ибо даже на вопрос в парламенте министр торговли вынужден был признать, что ему неизвестно ни одного случая, когда обязательства русских обществ не были бы выполнены.¹ Если краткосрочные кредиты в Великобритании стали для советских внешнеторговых организаций достаточно обыденными и постоянными, то долгосрочное кредитование встретилось с огромными трудностями. Его реализация воспринималась скорее как вопрос отдаленного будущего, а не обычной торговой практики. Долгосрочное кредитование в эти годы становилось для Великобритании и ее правящих кругов политической картой в затяжной игре урегулирования всего комплекса англо-русских отношений. Полное признание всех довоенных долгов прежних русских правительств и возмещение или реституция бывшей британской собственности в России были краеугольным камнем английской внешней политики в отношениях с Советской Россией. Идти в этом вопросе на какой-либо компромисс правящие круги Великобритании, особенно когда у власти находились консервативные кабинеты, не хотели. Между тем ряд государств Европы, и в частности Германия, уже в 1926 г. пошли на предоставление если не долгосрочных, то среднесрочных кредитов под правительственную гарантию.

Посланник Чехословакии в Англии Ян Масарик в связи с этим сравнивал германский кредит «Советам» в 1926 г., полученный Россией под гарантию правительства этой континентальной европейской индустриальной державы, для стимулирования экспорта промышленного оборудования, произведенного в Германии, с весьма незначительными показателями кредитования со стороны Англии. Масарик указывал далее, анализируя советско-британский торговый баланс 1920–1925 гг., что в нем с английской стороны явно просматривалось ожидание крупных выгод от торговых связей с советской Россией, основанное на том, что пятилетний платежный баланс между двумя странами сводился с отрицательным сальдо для «Советов» в 17,5 млн ф. стерлингов.²

Заключая свой анализ советско-британской торговли, Я. Масарик добавляет, что «со стороны английских консервативных элементов часто указывалось не без тенденциозности на следующие моменты: торговля Англии с Россией, хотя и возросшая, является такой незначительной по общему объему экспорта и импорта, что не принимается во внимание как серьезная часть всего объема британской внешней торговли,

а те организации и их операции, что ведутся, сопряжены с большим риском, поскольку „русские не платят” (по утверждению ангажированных газет). Против этих утверждений советская торговая делегация в Великобритании («Аркос») и члены либерального и рабочего лагеря указывают на то, что русские закупки в Англии за последние пять лет достигли суммы в 70 млн ф. стерлингов, а русские запродали в ней всего 64.6 млн ф. стерлингов, что вместе составляет сумму, которая для британской внешней торговли имела в нынешней ситуации положительный результат. В особенности, если учесть при этом сумму, заплаченную Россией за английские перевозки (фрахт) и частично другие статьи „невыгодного экспорта”. Если торговля двух стран не достигла самого широкого размаха, упомянутые круги объясняют это теми обстоятельствами, что британская торговая политика не предприняла до сих пор ничего в пользу этой торговли, что английские кредитные учреждения и различные организации (например, союз держателей русских бумаг бывших русских правительств), наоборот, прилагали все усилия, чтобы этой торговле воспрепятствовать».³

Советское правительство предприняло еще ряд шагов, чтобы смягчить назревавший конфликт с Англией, который все более обострялся вплоть до мая 1927 г. К рубежу 1926–1927 гг. осложнения в британско-советской торговле и в их общих политико-экономических отношениях становились все более очевидными. Это мало способствовало нормализации внутреннего положения в России и, напротив, стимулировало ужесточение нового политического курса, ведущего к утверждению авторитаризма в политике и экономике страны. Определенные надежды на улучшение двусторонних отношений и предполагаемую либерализацию внутривнутриполитической жизни в России связывались, как отмечалось, с приездом в Англию в октябре 1926 г. нового полпреда Л. Б. Красина.

Надежды на деятельность Красина в Великобритании были отражены в донесении чехословацкого посланника в МИД ЧСР 7 октября 1926 г. Он сообщал о посещении полпредом России Foreign Office по своему возвращении из Праги в Лондон и о разговоре с сэром Уильямом Бэррелом Кеннеди, послом США в Великобритании, а также о беседе с референтом МИД Говардом Смитом.

Суть беседы сводилась к следующему. «Я уже указывал на возможность новых переговоров с Россией, — писал Массарик, — ибо, как известно, Л. Б. Красин приехал с большим шумом и с большими планами после лечения во Франции. Мое впечатление состоит в том, что Красина ожидает достаточно сдержанный и умеренный прием, чему способствует состав и общий подход нынешнего (консервативного. — *В. Ш.*) правительства, в котором преобладают реакционные элементы. Повторяю, что из своей сегодняшней беседы мое определенное впечатление состоит в том, что нельзя в обозримом будущем ожидать никакой новой ориентации Советов вопреки тому, что промышленные круги в последнее время, опять в противоречии с этим, проявляют повышенный интерес к возможности новых переговоров».⁴

Далее Я. Масарик отмечает, что торговля ведется лишь крупными британскими фирмами, иногда на основе трехлетнего кредита, и сроки платежей неуклонно выполняются «Советами», но фирмы эти ведут дела на свой страх и риск. Однако торгово-промышленные круги не пользуются никакой поддержкой (или гарантией при кредитовании) со стороны британского государства.⁵

Некоторое время казалось, что усилия советского правительства, которое пыталось показать Великобритании возможности смягчения монополии внешней торговли

России, увеличения вывоза товаров британской тяжелой индустрии, используя все возможности для получения кредитов в Англии (краткосрочных и среднесрочных) для активизации этой торговли и урегулирования тем самым отношений между двумя странами, стали продвигаться вперед особенно с приездом в Лондон Л. Б. Красина.

Однако серьезным осложнением в общественных настроениях обеих сторон, а также английских дипломатов, деловых кругов и полпредств СССР в Великобритании и Аркосе явилась ожидавшаяся и все же внезапная смерть видного советского дипломата, наркома внешней торговли и инженера-производственника, выдающегося организатора торговли и промышленности Л. Б. Красина.

Смерть Красина, посланного из Франции в Великобританию, чтобы смягчить напряженность между двумя странами и предотвратить назревавший разрыв между ними, последовала в ночь с 13 на 14 ноября 1926 г. До этого времени он прилагал все усилия для урегулирования отношений между двумя странами, достигших черты опасного конфликта, пытался убедить правительство и премьера С. Болдуина, а также торгово-промышленные круги Великобритании в возможности мирной договоренности и отказа от силовых действий британского консервативного кабинета, уже с осени 1924 г. готовившего разрыв с СССР, требуя всего того, что Великобритания не могла добиться за годы гражданской войны и интервенции: уплаты долгов российских дореволюционных правительств (включая военные), отмены декретов Октябрьской революции о национализации, отмены монополии внешней торговли, компенсации или полной реституции бывшей собственности британцев в России, замены государственного законодательства признанием права частной собственности бывших владельцев.

Смерть Красина, успевшего предварительно договориться с такими крупными банкирами и предпринимателями, как Мак-Кена, и рядом других, в том числе и в благожелательном духе по вопросу о кредитовании России Англией, явилась тяжелой утратой для попыток урегулирования англо-советских отношений.

Как писал в Прагу в одном из своих донесений Ян Масарик, «значительный переполюх вызвала здесь смерть Красина, который хотя и был безнадежно болен., как казалось, проживет еще год-два и смерть наступила действительно неожиданно вследствие сердечной слабости (он был болен малокровием). Со времени своего приезда в Лондон Красин был осмотрен лучшими здешними врачами, а в последние 14 дней и лечился лордом Доунсоном оф Рен, личным врачом короля, который также присутствовал при смерти Красина».⁶

В левых кругах, в особенности умеренно левых, восприняли кончину Красина как удар для англо-русских связей, поскольку Красин считался человеком западного склада и имел значительный опыт в финансово-экономической области, был склонен в отношениях с Англией к значительным компромиссам, хотя высказывался об этом с большой осторожностью.

Насколько велика была утрата Л. Б. Красина для возможного улучшения англо-советских отношений, свидетельствует и письмо поверенного в делах Чехословакии из Лондона в Прагу от 10 декабря 1926 г. «С кончиной Красина, — писал поверенный в делах, — Советы потеряли дипломатического представителя, который приобрел значительное доверие и уважение в кругах, стоящих на здравом поле политических взглядов. Незадолго до своей смерти он сконцентрировал все свои усилия, хотя был тяжело больным, на получении кредита и имел длительный разговор с О. Чемберленом 10 октября.

Смерть Красина дала возможность крайним элементам консервативных правых для усиления ситуации за разрыв дипломатических отношений с Россией, которые бы в этом случае можно было осуществить путем отказа принять преемника Красина. Однако, насколько можно судить из разных источников, отражающих точку зрения правительства, оно не считало такой шаг подходящим для себя».⁷

Между тем положение в кабинете министров Великобритании в связи с состоянием англо-советских отношений становилось все более напряженным. Как сообщал временный поверенный Чехословакии в другом своем донесении 12 января 1927 г., было созвано секретное совещание членов кабинета, посвященное событиям в Китае.

Участниками были министры правительства Бальфур, Биркенхед, Черчилль, Джонсон-Хикс, Вортингтон-Эванс, Эмери. Все они хотя и были заявлены как присутствовавшие на совещании — на самом деле не находились в Лондоне и отсутствовали при обсуждении вопросов в кабинете. В принятом коммюнике отмечалось, что «ситуация тем сложнее, что в британском кабинете существует определенное различие во взглядах. Их предметом являются не столько китайские события, сколько связанная с ними основополагающая тема современной британской политики, т. е. отношение к России. На прошлой неделе в кабинете министров было решительно предложено немедленно разорвать связи с Советами, высказанные крайними консерваторами, которое собрало голоса всех членов кабинета за вычетом двух: Болдуина (премьер) и Чемберлена (министр иностранных дел). Первый из них был против немедленного решения, мотивируя своим постоянным стремлением не спешить при решении сложных вопросов; другой в связи с общим миролюбивым характером своей политики, стремлением не нарушать мирные настроения на континентах и утверждать дух Локарно, которому был всецело предан. Единое мнение всех остальных министров вызвало, однако, трудную ситуацию и утверждают, что Болдуин и Чемберлен окончательно вызвали бурю только тем, что стало официально известно, что Советы не помышляют о направлении преемника покойному Красину, благодаря чему исчез один из пунктов, на котором сосредоточила натиск оппозиция».⁸ Серьезным шагом на пути к разрыву отношений с Россией была более острая, чем предполагали Болдуин и Чемберлен, нота английского правительства правительству СССР, в сущности и приведшая отношения двух стран к опасной черте, за которой и последовало прекращение политических и дипломатических отношений.

Документы и донесения, посланные чехословацким посланником Я. Масариком в МИД Чехословакии в феврале–мае 1927 г., свидетельствуют об этом достаточно убедительно. Нота первоначально была названа «предупредительной», но по настоянию большинства консервативных членов кабинета министров оказалась составленной в более жестком варианте, чем первоначально подготовленная Foreign Office. Врученная 23 февраля 1927 г. исполняющему обязанности полпреда СССР в Великобритании А. П. Розенгольцу, она явилась документом, резким по тону, содержащим выдержки из различных речей и выступлений деятелей ВКР(б), Коминтерна, советского правительства (Н. И. Бухарина, Г. В. Чичерина, К. Е. Ворошилова, А. И. Рыкова, Л. М. Карахана и др.). В этих речах по разным поводам, в основном в партийных инстанциях или в печати, отражались оценки событий, связанных с революцией в Китае, колониальной политикой Великобритании на Востоке и т. д. Из этих оценок делался вывод, что подобные действия советских руководителей ведут к «неизбежному аннулированию торгового

соглашения, условия которого так явно нарушались, и даже к разрыву обычных дипломатических отношений».⁹

Ответная нота советского правительства от 26 февраля, подписанная М. М. Литвиновым, отвергала сам способ обвинений в антибританской деятельности советских лидеров с помощью цитат из их выступлений, было заявлено, что подобных высказываний не меньше и в речах и докладах британских политиков. В ней выражалось недоумение, что этот метод выставляется как предлог для разрыва отношений между странами.¹⁰

Весьма показательны, что несостоятельность позиции британского правительства сознавалась даже таким благожелательным к английской политике лицом, как посланник ЧСР Я. Масарик. В донесении в МИД от 28 февраля 1927 г. он следующим образом оценивает положение, сложившееся в англо-советских отношениях в связи с обменом указанными нотами.

«Общественное мнение (Великобритании. — *В. Ш.*) до сих пор занято нотой Foreign Office и ответом Советов. Насколько я могу судить о положении дел, нота успокоила очень малый процент народа и удовлетворила его еще меньше. Поскольку широко известно, что Чемберлен только после сильного нажима заострил ноту и теперь собственноручно всем своим личным престижем ноту не поддерживает, так же как является „общественной тайной“, что Болдуин с текстом ноты тоже не согласился, а равным образом уступил нажиму правого крыла консервативной партии, множатся с каждым днем вопросы, чего собственно хотело достичь этой нотой английское правительство. Неединодушный взгляд кабинета на русский вопрос естественно хорошо известен в Москве и несомненно это будет политически использовано для формирования общественного мнения России.

Инцидент используют и лейбористы, особенно то, что Чемберлен по принуждению подписал ноту. Ответ Литвинова искусно стилизован и некоторые пункты этого ответа вынуждают здешние круги призадуматься. Ясно одно, что англо-русские отношения еще должны будут переосмыслены. Для оценки этих отношений посылка данной ноты означает, что они не улучшатся. И если мы имеем противоположные политические, экономические, моральные и иные позиции обоих государств, то нельзя полагать, что найдется *modus vivendi*, который был бы по душе обеим сторонам и был бы им приятен.

Вся ситуация сводится к одному факту: Советы с III Интернационалом основываются на необходимости мировой революции, Великобритания из всех сил будет обороняться от этой революции. Вопрос, которым обе стороны будут теперь заниматься и с которым не могут не считаться: это тип отношений между Англией и Россией. Промышленные круги не могут не считаться с фактом, что за прошедший год торговля с Россией достигла 45 млн ф. стерлингов, а может быть, и больше и что Советы выполнили при этом свои финансовые обязательства.

Требовать от Каменева, Зиновьева и т. д., чтобы они перестали нападать на „английскую империалистическую политику“, с одной стороны, и ожидать, что Уинстон Черчилль, Биркенхед и Джон Хикс перестанут бранить большевиков, с другой — является в целом детской игрой. Хотя известно, что большевики, представители III Интернационала поддерживают морально и материально революционное движение в Британской империи, не удалось все же английскому правительству доказать документально ни одного случая такой деятельности, и пока правительство Советов находится в такой

благоприятной ситуации, что может отвергнуть ответственность за деятельность III Интернационала, переговоры между двумя странами будут и остаются бесцельными».¹¹

Далее в заключение приведем телеграмму Я. Масарика от 14 мая 1927 г., которая свидетельствует о скандальном провале британской политики отыскать какой-либо компромат для создания предлога к разрыву дипломатических отношений между Англией и Россией. «Обыск, произведенный полицией в советском кооперативном обществе „Аркос”, вызвал сенсацию первого разряда. В современных кругах опасаются того, что министр внутренних дел не организовал бы обыск, если бы перед тем не посоветовался с Foreign Office».¹²

И в самом деле многие источники свидетельствуют о том, что англо-советский разрыв произошел с ведома и по согласованию с Министерством иностранных дел, чему были уже не в состоянии воспрепятствовать даже такие первые лица государственного управления, как премьер-министр С. Болдуин и министр иностранных дел О. Чемберлен.

Я. Масарик в связи с обыском в помещении «Аркоса» и нападением полиции на эту коммерческую структуру с иронией отмечает, что версия о якобы возможном хранении там некоего «важного документа», исходившая от министра внутренних дел Джонсона-Хикса, несмотря на четырехдневный обыск (с утра в четверг до полуночи в воскресенье), не принесла никаких результатов.¹³

Позднее Я. Масарик добавил еще ряд моментов к своему анализу скандальных событий, связанных с поисками серьезного документа в помещении «Аркоса». «В лондонских дипломатических кругах, — сообщал он, — в первые минуты сложилось мнение, что обыск начался по собственному почину министра внутренних дел или в стоворе с Эмери и военным министром, чтобы поставить умеренных членов правительства — Болдуина и Чемберлена — перед фактом, ведущим неотвратимо к разрыву с Россией».

Это впечатление было сглажено дальнейшим ходом событий. Сейчас уже стало ясно, что еще до начала этого дела имела место беседа с Чемберленом и было достигнуто его согласие. Если это так, можно говорить только о нажиме радикальных элементов в правительстве на умеренное крыло и уступках с его стороны. Эта афера вела к денонсации договора 1921 г. и прекращению торговых связей, которые могли бы быть единственным предлогом сохранения дипломатических отношений.¹⁴

В заключение описания этого скандального и не давшего результатов обыска в «Аркосе» Я. Масарик приходит к выводу, что все эти шаги британских политиков могли привести к разрыву торговых и, возможно, дипломатических отношений между двумя странами.¹⁵

Но последовавший вслед за «налетом на „Аркос”» разрыв коснулся только разрыва дипломатических отношений, восстановленных лишь в конце 1929 г. Британское правительство, учитывая интересы торгово-экономических кругов своей страны, сохранило торговые связи с Россией через «Аркос». Однако политика консервативного кабинета Великобритании тем не менее вела к резкому ухудшению англо-советских отношений. В целом же это немало способствовало также усилению антивоенных выступлений в СССР в 1927 г. Возможность военной угрозы рассматривалась как вполне реальная в контексте серьезного кризиса англо-советских отношений и разрыва дипломатических связей между двумя странами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Parliamentary Debater: House of Commons. 1926. N 197. Col. 803.

² Archiv Ministerstva zahranièních Vìci ÈR, Politické Zpra'vy (далее — AMZV, PZ). Londy'n. 1926. N 112. 7. X.

³ Ibid. N 127. 11. XI.

⁴ Ibid. N 112. 7. X.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. N 97. 26. XI.

⁷ Ibid. 1927. N 1. 13. I.

⁸ Ibid.

⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1966. Т. 10. С. 6–62.

¹⁰ Там же. С. 54–60.

¹¹ AMZV, PZ Londy'n. 1927. N 16. 28. II.

¹² Ibid. N 45. 14 V.

¹³ Ibid. N 46. 17. V; N 47. 19. V.

¹⁴ Ibid. N 45. 14. V; N 47. 17. V.

¹⁵ Ibid., № 47, 48, 17.V, 18.V.

А. А. Фурсенко

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ КУБИНСКОГО КРИЗИСА 1962 г.

Очерк-воспоминание

Мой интерес к Кубинскому кризису относится ко времени его возникновения в октябре 1962 г. Противоречивые советские заявления и сообщения иностранного радио породили тогда массу загадок. Интерес этот был затем подогрет ходившими по Москве слухами о выступлении Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 23 ноября 1962 г., в котором он рассказал, как был разрешен Кубинский кризис. В дальнейшем различные публикации в американской печати породили новые вопросы. Например, обозреватель телевизионной компании Эн-Би-Си Джон Скали поместил в 1964 г. в журнале «Лук» статью о своих переговорах с резидентом КГБ Александром Фоминым. Во время их встречи 26 октября 1962 г. в Вашингтонском ресторане «Оксидентал» был якобы согласован план урегулирования Кубинского кризиса. В ресторане повесили даже мемориальную доску, на которой написано, что в результате встречи Скали с «загадочным русским мистером Икс» была предотвращена третья мировая война. Американский тележурналист усиленно подогревал интерес к своей встрече с советским разведчиком и прежде всего к собственной персоне.¹

В литературе последующих лет, в книгах А. М. Шлезингера, Т. Соренсена, Р. Хиллсмана и других появились новые подробности.² Особое значение имела опубликованная в 1978 г. книга Шлезингера «Роберт Кеннеди и его время», содержащая специальный раздел по истории Кубинского кризиса, где рассказывалось о советско-американских переговорах по его урегулированию. Это замечательное по литературному исполнению и исследовательским приемам сочинение раскрывало многое из того, что ранее было неизвестно, а вместе с тем ставило новые вопросы.³

В 1983 г. я попытался свести появившиеся в печати данные в одном очерке, предложив его ленинградскому журналу «Звезда». Но цензура не дала разрешение на публикацию появившихся в американской литературе материалов. Вернуться к этой теме оказалось возможным только, после того как в 1989 г. в Москве прошла встреча участников